

КИРИЛЛ ЯКОВЛЕВИЧ КОЖУРИН

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Института философии человека
Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-1082-3006; kozhurin@list.ru

НОВОНАЙДЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА СЕЛА КУШЕРЕКИ ОНЕЖСКОГО УЕЗДА

А н н о т а ц и я . На основе новонайденных архивных документов рассматривается история одного из малоизвестных центров Древлеправославия на Русском Севере – села Кушереки Онежского уезда Архангельской губернии. Обращение к данной теме представляется весьма актуальным в силу ее малоизученности и практической важности для конфессиональной истории России в границах старообрядческого сообщества. В научный оборот вводятся новые архивные материалы, освещающие положение староверов в северном селе и его окрестностях. Документальный корпус, взятый автором за основу исследования, представляет собой группу источников из фондов Российского государственного исторического архива: дела «по расколу» Департамента общих дел МВД и Канцелярии министра земледелия. Опираясь на опубликованные и неопубликованные источники, а также историографический материал, автор рассматривает историю села Кушереки в исторической ретроспективе и пытается выявить реальную роль старообрядчества в жизни и мировоззрении ее жителей, формально принадлежавших к господствующей церкви. Поднимаются важные проблемы бытования на севере тайных староверческих скитов, правительственной политики в отношении староверов, их деятельности, репрессий середины XIX века. Одним из главных выводов является тот факт, что авторитет старообрядчества среди населения Поморского Севера, несмотря на гонения со стороны официальных властей, был неизменно высок на протяжении XVII–XX веков.

К л ю ч е в ы е с л о в а : старообрядчество, северное село, старообрядчество Архангельского Севера, староверческое население, тайные скиты, конфессиональная политика, правительственные репрессии

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кожурин К. Я. Новонайденные документы для истории старообрядчества села Кушереки Онежского уезда // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 85–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.588

ВВЕДЕНИЕ

В годы, последовавшие за расколом Русской церкви в середине XVII века, появилось немало старообрядческих скитов на Русском Севере, в частности в обширной Архангельской губернии: Ануфриевский, Ипатьев, Сёмженский, Великопоженский, Цилемский, Игнатьевский, Березовый, Половой, Сумозерский, Малолахотский, Большеллахотский, Слободской и др. (подробнее см.: [2: 281–295]). Занимаясь исследованием поморского рода Кучиных (моих предков по материнской линии), самым известным представителем которого был российский полярный исследователь, участник экспедиции Амундсена на Южный полюс, капитан судна погибшей экспедиции Русанова – Александр Степанович Кучин (1888–1913?), я натолкнулся на ряд любопытных архивных материалов, проливающих

свет на историю старообрядчества в Онежском уезде, в частности в старинном селе Кушереке.

СЕЛО КУШЕРЕКА И СТАРАЯ ВЕРА

Село Кушерека известно с XVI века. Кушерецкая волостка была в составе Турчасовского стана Каргопольского уезда. До секуляризации 1764 года Кушерека и Унежма были вотчиной Соловецкого монастыря. Правда, во второй половине XVII века некоторое время она была приписана к Кийскому Крестному монастырю, основанному патриархом Никоном. Новый монастырь задумывался Никоном как альтернатива Соловецкому, ставшему одним из центров старообрядческого сопротивления его церковным реформам. Именно тогда Кийскому монастырю была передана часть вотчины с крепостными крестьянами, принадлежавшая ранее Соловецкому монастырю, в том числе и Кушерецкая волость.

На 1668–1676 годы приходится знаменитое «Соловецкое сидение» – восстание соловецких монахов, которые категорически отказались принимать никоновские новшества и в течение восьми лет выдерживали суровую осаду царскими войсками. Известно, что местные жители (думается, и жители принадлежавшей монастырю Кушерецкой волости) активно помогали соловецким монахам, поставляя в монастырь необходимые съестные припасы и уведомляя о военных приготовлениях к осаде. После взятия монастыря стрельцами в 1676 году и последующего его разгрома некоторым инокам все же удалось уйти от расправы. Как отмечает А. Н. Старицын,

«в Кушерецком погосте, центре религиозной и общественной жизни волости, должна была располагаться стрелецкая застава, призванная отлавливать соловецких выходцев и не позволять местному населению сообщаться с монастырем» [4: 198].

Старообрядческий писатель Иван Филиппов в своей «Истории Выговской пустыни» подробно описывает маршрут передвижения черного дьякона Питирима, вышедшего из монастыря еще в 1674 году:

«...изыде из Анзерскаго монастыря нощию тайно и в малую седе ладейцу и плове морем к устью реки Онеги и не смея приити в жилище, но по берегу моря принлы к Кушерецкой волости и там на устии срете его некий христороубец и даде ему укрох хлеба и невелеле ему итти в волость понеже в ней салдаты стояху тогда и показа ему нуть, им же изыти на нустое место и проити на Калгачиху, он же сотвори по повелению оногo христороубца и шед пустынею и прииде на Калгачиху к некоему христороубцу иже даде ему хлеба на нуть и показа ему нуть итти в Выговскую нустыню»¹.

В XVII столетии в Кушерецком приходе существовало два деревянных храма. Наиболее древний из них – во имя Успения Пресвятой Богородицы – впервые упоминается в «Дозорной книге 1648 года по городу Каргополлю (Турчасову)». Как отмечает автор «Краткого исторического описания приходов и церквей Архангельской епархии»,

«судя... по грамоте... Афанасия, архиепископа Холмогорского и Важеского, на имя Соловецкого архимандрита Фирса, келаря Иннокентия и казначея Варсонофия от 7204 (1696) г. об устроении новой Успенской церкви вместо прежней, неизвестно когда построенной и затем сгоревшей, можно полагать, что описываемый (Кушерецкий. – К. К.) приход существовал издавна и был вотчиной Соловецкого монастыря»².

Одновременно с первой Успенской церковью, сгоревшей в конце XVII столетия, в Кушерецком приходе был другой храм в честь Вознесения Господня, построенный в 1669 году самими прихожанами при пособии со стороны Соловецкого мо-

настыря. Церковь была деревянная, двухэтажная, в стиле «кубоватых храмов», широко распространенном на реке Онеге и побережье Белого моря. Церковь Вознесения сохранилась до наших дней: в 1969 году она была перевезена в музей деревянного зодчества «Малые Корелы» под Архангельском. Церковь обшита тесом, главы и шейки сохранили свою первоначальную окраску. Внутри храма сохранился иконостас XVII века.

Однако, несмотря на существование в селе Кушереке двух православных церквей, значительная часть местных жителей продолжала придерживаться старой веры. На протяжении XVIII – первой половины XIX века авторитет старой веры среди здешних поморов был достаточно высоким. В целом в истории русского старообрядчества это был один из немногих и недолгих периодов относительно спокойного существования. По словам местного священника Авенира Титова, прихожане села Кушереки «заражены расколом», проникшим сюда из Соловецкого монастыря и реки Выг. Как отмечает И. Н. Белобородова, онежские старообрядцы принадлежали к поморскому, филипповскому и федосеевскому соглашениям [1: 67].

О широком распространении старой веры среди местных жителей свидетельствует, в частности, дошедшее до наших дней дело 1825 года «По представлению Архангельского Гражданского Губернатора о раскольнике крестьянине Онежского Уезда Андрее Парфенове, сужденном за соращение в раскол православных». Как явствует из дела, крестьянин Кушерецкой волости Онежского уезда Андрей Парфенов занимался «соблазном народа к отвлечению легкомысленных от Православной Церкви». Благочинный Малошуйской волости доносил Онежскому духовному правлению, что

«Кушерецкаго Прихода крестьяне: Дмитрий Иванов, Семен Лапин и Никифор Марков совершают по обрядам своим погребение, и что крестьянин Андрей Парфенов, содержащийся на покаянии в Онежском Крестном Монастыре, за обращение правоверных в раскол, и бежавший из онаго, явясь в Кушерецкой приход, нерекрестил того прихода прихожанина Поликарпа Ефремова, вдову Елену Окулову, крестьянскую девку Секлетию Можных и Малошуйской волости крестьянина Ивана Спирькова, для большаго же внушения соблазна христианам, собирает многих в Моленную, находящуюся в доме обращеннаго им же в раскол крестьянина Афанасия Калинина... Раскольник Андрей Парфенов, сознаваясь в нахождении под судом, в однолетнем заключении монастырском и в освобождении из онаго по разрешению будто бы Начальства, совершенно отрекся от показаний на шет погребения им умерших и перекрещивания в свою секту православных и при сем объявил, что подает советы вступить в старообрядчество одним токмо дряхлым и престарелым людям»³.

Это дело было заслушано на заседании Комитета министров 19 мая 1825 года, и Комитет постановил привести заключение Архангельской уголовной палаты в исполнение. 16 сентября 1825 года было дано Высочайшее соизволение на положение Комитета министров. Парфенов был отослан в Высоковский единоверческий монастырь в Костромской епархии 17 декабря 1826 года на подводах «за благонадежным присмотром».

19 июня 1826 года обер-прокурор Синода князь Петр Мещерский доносил министру внутренних дел В. С. Ланскому:

«Как по донесению Епархиального Начальства известно ныне, что означенной крестьянин Парфенов убеждаясь увещаниями и доводами из Священного писания, сознался в своем заблуждении и обратился к православной церкви, то по сему Святейший Синод предоставил мне снести с Вашим Высокопревосходительством об учинении зависящего от Вас распоряжения дабы крестьянин сей яко обратившийся в православие освобожден был из Высоковского Монастыря»⁴.

Однако вскоре вся эта история закончилась естественным путем: епископ Костромской Самуил донес в Синод, что Андрей Парфенов «быв напутствован по долгу христианскому, 12-го февраля сего года умер» (1827). Об этом обер-прокурор Синода сообщил министру внутренних дел Ланскому 5 мая 1827 года.

С началом правления Николая I (1825–1855) начинается новая волна гонений на старообрядцев: они лишились всех льгот, предоставленных им прежними царями. Вновь принимаются законы, лишавшие староверов элементарных прав. С 1834 года старообрядцам запрещено вести метрические книги – таким образом староверы оказывались вне закона. Не признавались старообрядческие браки, а дети староверов являлись по законам того времени незаконнорожденными. Они не имели прав ни на наследство, ни на фамилию отца. Правительством для борьбы со старообрядчеством создавались различные «секретные совещательные комитеты» с центральным комитетом в Петербурге, занимавшиеся слежкой и контролировавшие жизнь староверских общин с целью их подавления и закрытия.

В 1853 году вышел закон об упразднении «противозаконных раскольнических сборищ», в том числе скитов и монастырей, по которому были опечатаны алтари Рогожского кладбища, часть Преображенского монастыря была передана единоверцам, а Выговское общежитие, сыгравшее такую выдающуюся роль в жизни Поморского Севера, вообще было закрыто и разорено. Под правительственный контроль были взяты Волковская и Малоохтинская богадель-

ни в Санкт-Петербурге, также имевшие давние и тесные связи с северными скитами. Во исполнение новых «драконовских» законов

«многие сотни молитвенных зданий были уничтожены; десятки тысяч икон, сего древнего достояния прадедов, были отобраны, огромную библиотеку можно составить из богослужебных и иных книг, взятых в часовнях и домах старообрядцев»⁵.

Моленные и часовни, построенные и украшенные старообрядцами, стали отбирать и передавать единоверцам. О численности «раскольников» и о «раскольнических моленных» по всем губерниям Российской империи начали систематически собирать информацию. Так, в списке «раскольничьих скитов и проч., находящихся в Архангельской губернии», доставленном в Министерство внутренних дел от управляющего Архангельской удельной конторой в январе 1845 года, в Кушерецком приходе показаны: «3 молитвенные дома»⁶.

С внезапной смертью в 1855 году императора Николая I репрессивная машина, запущенная им, не остановилась, а продолжала еще долго и эффективно работать. О характере правительственных репрессий по отношению к староверам красноречиво свидетельствует начатое в 1856 году «Дело по отношению министра внутренних дел об открытых в Онежских лесах Архангельской г. постройках и укрывательстве в оных раскольников и раскольников».

Архангельский губернатор доносил министру внутренних дел 4 августа 1856 года:

«Пристав 2-го Стана того уезда, по поводу носившихся слухов, – что между деревнями Верхлопской и Кушерецкой проживают в ските раскольники, 16 Июля... Отправился по дороге, ведущей в Кушереку; пройдя мхами и болотами около 35 и наконец лесом до 3-х верст. Нашел небольшое озеро, на берегу которого новую избу с сенями; в избе этой русская печь, на стенах устроены полки, из коих на одной найден небольшой медный образ и шерстяной подручник, в сенях ржаной и ячменной муки около 2 пуд 10 фунтов, деревянные чашки, ложки и проч.; на ½ сажени от избы небольшой анбар; по устройству в таком виде избы с найденными запасами, Становой Пристав, предполагая, что изба эта не промысловая, а устроена Кушерецкими крестьянами единственно для прибежища раскольников и что таковые должны быть в лесах поблизости, пошел по замеченной тропинке далее в лес; пройдя около пяти верст, нашел дорогу, ведущую в Кушереку; следуя по этой дороге далее, до 10 или более верст, заметил тропинку и на деревьях знаки; этою тропинкою дошел до озера, при котором находится две избы, в одной из них найдены крестьянская девка Калгачинского общества и деревни Ефимия Кирилова Васильева, большая крестьянская вдова Кушерецкой деревни Екатерина Романова и девка, именующая себя Новгородской губернии, Старорусского уезда, деревни Утошкиной Настасьей Ивановой; а в другой избе: крестьянин деревни Куше-

репкой Андрей Амосов с тремя женщинами... Далее в лесу за 10 сажень отыскана еще изба и в ней государственный крестьянин Олонецкой губернии, Каргопольского уезда Яков Андреев Кожин и на полках разных книг 26-ть; собрав эти книги, а также находившихся у прочих женщин 4 книги и шесть образов, Пристав взял с собою как Кожина, так и женщин, исключая больной вдовы Романовой. Кроме сих лиц... по дошедшим до него слухам, должны быть в лесах еще раскольники; но к открытию их в настоящее время нет возможности, по весьма затруднительному в лесах пути, а удобнее приступить к поискам зимою, когда, вероятно, крестьянами Кушерецкой деревни будет проложена дорога для отвоза пищи скрывающимся раскольникам, ибо замечено, что крестьяне не только раскольники не обращаются к православию, но и православные более совращаются в раскол, в чем... много содействует волостное и сельское Начальство, так как Волостной Голова Хохлин, сын раскольника, недавно уклонившагося из Православия в раскол, а Старшина – сам раскольник...»⁷.

Было учреждено следствие. Завязалась переписка между местными властями и министрами внутренних дел и государственных имуществ. Спустя месяц, 13 октября 1856 года, архангельский гражданский губернатор доносил министру внутренних дел следующее:

«Онежский Земский Суд, от 6-го Октября... донес что... в Кушерецких лесных дачах и смежной с ними Нюхотской лесной даче, принадлежащей Кемскому уезду, раскольников не найдено, только в последней (Нюхотской) даче найдены на островах озера Пиккозеро две кельи и не малое количество хлебных и других припасов, кухонная посуда и другое имущество, в числе которого оказались между прочим доскуты солдатской одежды, почему Пристав предполагает, что в кельях тех жили раскольники и беглые, которые скрывались от преследования. На берегу же озера Пиккозеро... находится промысловая изба крестьянина Нюхотской деревни Кемского уезда Максима Прохорова, который в ней и проживает; на спрос его Становым Приставом о живших в упомянутых кельях, Прохоров отозвался незнанием... бывшие же с приставом четверо понятых объявили, что найденные кельи построены нокровительницею раскольников, раскольницею крестьянскою вдовою Нюхотской деревни Кемского уезда Авдотьею Ретькиною, где она не редко и сама проживала. ... Становой Пристав... просит, чтобы... коль скоро он получит сведение что скрываются в лесах раскольники и беглые, для преследования их по горячим следам, отряжать к нему до 7 человек солдат, и сверх того для лучшего разузнания о скрывающихся, позволить ему Приставу иметь временно въезд в Нюхотскую деревню Кемского уезда»⁸.

Все это было становому приставу предоставлено и разрешено.

В своем новом рапорте от 16 апреля 1857 года исправляющий должность архангельского гражданского губернатора докладывает министру внутренних дел:

«Становой Пристав 2-го стана Онежского уезда Лисенко узнавши, что крестьянин Кушерецкого

селения Дмитрий Иванов занимается исправлением духовных треб по расколу не только в своем селении, но даже и в деревне Кемского уезда Нюхче и что к нему собираются для богомоления раскольники, 5 Апреля в 5 часов утра, прибыл в дом Иванова с Волостным Головою Андроновым и 2-мя стражниками; в доме нашел моленную комнату, в которой на аналое Евангелие и деревянный восьмиконечный крест, около 15 икон на стенах, 4 лампы, 5 книг и мантию. Когда Пристав приступил к отобранию икон, книг и других вещей, находящихся в моленной, то домохозяин Иванов вырвал у него из рук Евангелие и вскоре затем собравшиеся 40 человек крестьян и крестьянок того же селения силою отняли все, что Приставом было взято, буйствовали и ругали Пристава с разными угрозами, почему Пристав, видя такое безчинство, должен был удалиться, донеся о сем Земскому Суду...»⁹.

24 января 1858 года последовало очередное донесение архангельского вице-губернатора в МВД:

«Архангельская Духовная Консистория... препроводив в Губернское Правление 11 книг, из числа 19-ти, и 11 тетрадок, отобранных от раскольников, открытых в лесных дачах Кушерецкого селения, Онежского уезда, уведомила, что по рассмотрении помянутых книг оказалось, что восемь из них могут быть в употреблении в Православной Церкви; прочия же 11-ть книг и 11-ть тетрадок, наполнены раскольническими мнениями и заключают безчисленное множество ошибок и упущений. Почему Консистория и послала помянутые 8 книг в Онежский Земский Суд для выдачи их по принадлежности, а остальные просит представить в Министерство Внутренних Дел»¹⁰.

К отношению была приложена Опись, согласно которой у старообрядцев были отобраны следующие книги: Псалтырь, 2 Устава, рукописная тетрадь о разных предметах, рукописный Пролог, Поучение, рукописное Евангелие, Цветная триодь, «Страсти Христовы», Каноник, Жития святых и «один связок, заключающий в себе одиннадцать тетрадок». Министр внутренних дел С. Ланской 11 февраля 1858 года отослал эти книги и тетрадки вместе с описью к обер-прокурору Синода.

О том, как непросто было местным старообрядческим инокам придерживаться «древлего благочестия» в условиях постоянных гонений, свидетельствует еще одно дело из архива Министерства внутренних дел «По отношению Управляющего Министерством Государственных Имуществ с препровождением прошения крестьянина Архангельской губернии Онежского уезда Кусторецкого (sic!) общества Григория Кустова об освобождении его из Архангельского тюремного замка» (1859).

В отношении управляющего Министерством государственных имуществ, товарища министра министру внутренних дел от 12 августа

1859 года сообщалось о том, что крестьянин «Кусторецкого» (Кушерецкого) общества Григорий Кустов подал прошение на Высочайшее имя об освобождении его из Архангельского тюремного замка.

«По сношению с Начальником Архангельской губернии оказалось, что Кустов заключен под арест 10 Ноября 1858 г. за ношение монашеской одежды, о чем было произведено следствие, обнаружившее, кроме того, что Кустов, не проживая на родине в Онежском уезде, совратился в раскол и имел при себе еще иноческую мантию, камилавку, книгу и двое четок, и что, по рассмотрении дела сего, местный уездный суд решил 30 Апреля настоящего года передать Кустова на увещание Духовной Консistorии, которая и сделала надлежащее о сем распоряжение»¹¹.

Учитывая существующее законодательство, товарищ министра предлагал освободить Кустова из-под ареста под полицейский надзор. Из суда Кустов был передан в Духовную консисторию на увещание. Увещание было поручено замочному священнику Григорию Конорскому и благочинному священнику Феодору Жаравову, «в случае же бесплодности их увещаний» предписывалось поручить его миссионеру священнику Алексею Васильеву. Однако на все увещания новообрядческих священников Кустов остался непреклонен. В деле сохранилось прошение Григория Кустова об освобождении на имя Александра II. Видимо, прошение дошло до царя, и 21 августа 1859 года министр внутренних дел С. С. Ланской в письме к начальнику Архангельской губернии спрашивает, по какому случаю Кустов содержится в тюремном замке уже после решения о нем суда, и предписывает освободить арестанта из-под стражи под полицейский надзор. На это архангельский вице-губернатор отвечал, что

«Губернское Правление, по постановлению своему 27 минувшаго Августа сделав распоряжение об освобождении Кустова из под стражи, отослало его в местную Палату Государственных Имуществ, для отсылки на место его жительства с тем, чтобы Палата поручила его сельскому надзору, дабы он не распространял своего раскола между Государственными крестьянами и воспретила ему именовать себя... раскольническим иноком и носить подобную инокам одежду; а вместе с тем Правление отнеслось и в Духовную Консистирию, чтобы и она с своей стороны поручила местному духовенству наблюдение о неразпространении Кустовым раскола на месте его жительства»¹².

Из других документов также известно, что и во второй половине XIX века старая вера, несмотря на практически не прекращавшиеся гонения со стороны местных церковных и светских властей, была весьма распространена среди местного населения, а авторитет ее оставался

неизменно высоким. В 1885 году приход был включен в состав Кушерецко-Калгачинского миссионерского комитета 1-го разряда. А к этому разряду относились как раз те приходы Архангельской епархии, которые «в сильной степени были заражены старообрядческим расколом». Выписки из «Духовных росписей» о лицах, не бывших у исповеди более трех лет за 1888 год, красноречиво говорят об этом: в Кушерецком приходе, несмотря на наличие здесь двух новообрядческих церквей, таковых насчитывалось 1042 человека, что составляло две трети жителей! При этом 7 человек из них были военными. В этом смысле характерна история поморского рода Кучиных, известного с XVII века. Многие представители этого рода, как явствует из опубликованной Т. Ф. Мельник родословной Кучиных [3], [5: 545–546, 1011–1020], были строгими ревнителями старой веры: «за расколом не исповедан», «за расколом не исповедалась», «по наклонности к расколу не исповедалась», «замечен в наклонности к расколу», «не была на исповеди и причастии по наклонности к расколу», «имел наклонность к расколу» и т. д.

Согласно данным 1896 года,

«раскольнических скитов, официально признанных, не было, но вверх по реке в разных местах жили “старички и старухи” – раскольники. Раскольническая молельня находилась в доме крестьянина Авксентия Гаврилова Овчинникова – раскольнического наставника, где и проходили собрания по воскресным и праздничным дням»¹³.

При этом общая численность прихожан в 1896 году составила: в с. Кушереке – духовных 2 двора, 1 мужчина; военных 16 дворов, 45 мужчин, 35 женщин; крестьян: а) православных 577 мужчин, 569 женщин, б) «склонных к расколу» 223 двора, 54 мужчины, 209 женщин; в) «раскольников по суду признанных» 1 двор, 1 мужчина. Церковно-приходское попечительство открыто в 1893 году, состояло из председателя и 10 членов. Имелись церковная и противораскольничья библиотеки, однако книг было недостаточно.

Как пишет этнограф А. А. Жилинский, еще в начале XX века влияние старообрядчества в Онежском Поморье оставалось сильным.

«Православные поморы приглашают старух старообрядок петь панихиды, наделяют их деньгами и богато угощают. Для этой цели у некоторых поморов вся посуда разделяется на староверскую и мирскую. Староверы считают грехом есть или пить из одной посуды с православными. Староверство, по понятием населения, будто бы способствует достижению счастья и богатства»¹⁴.

Нередки были случаи, когда поморы перед смертью принимали старую веру, считая ее самой угодной Богу верой.

XIX век явился периодом выживания для сельских и городских старообрядческих общин и периодом борьбы за свое право исповедовать веру предков. Борьба эта завершилась фактической победой ревнителей «древлего благочестия» – публикацией в 1905 году императором Николаем II Манифеста о веротерпимости, за которой последовал недолгий золотой век старообрядчества, период бурного храмового строительства и легального существования старообрядческих общин. К сожалению, период этот продолжался недолго, и после революции 1917 года начинается постепенное «закручивание гаек», завершившееся полным разгромом старообрядческих общин и сносом большинства сельских моленных.

В послереволюционные годы Поморский Север медленно приходит в упадок: деревни вымирают, а оставшееся население разъезжается по большим городам. Трудные дни для кушережан и жителей других поморских сел настали с началом сплошной коллективизации. Уполномоченные выбрали время, когда все мужчины были далеко на промыслах и, натолкнувшись на несогласие женщин вступать в колхоз, стали искать виновных. Среди первых репрессированных были священник Павел Титов, бывший судовладелец Михаил Хохлин. Затем начали раскулачивать всех судовладельцев подряд. А поскольку больше половины жителей Кушереки были заняты рыбным промыслом, то все они попали в разряд классовых врагов революции. От коллективизации бежали, бросая дома, скот, засеянные поля. Началось массовое переселение на побережье Кольского полуострова. В итоге к 1932 году в Кушереке осталась четвертая часть населения! Из пятисот дворов было раскулачено триста пятьдесят. И вот результат: если на 1920 год население Кушереки составляло 1286 человек, то на сегодняшний день здесь осталось всего 7 человек.

Начавшееся в 1990-е годы постепенное возрождение старообрядчества в России, к сожа-

лению, в основном коснулось городов и совсем в малой степени затронуло Русский Север. Что касается сельских общин, то они, как и русская деревня в целом, находятся в самом плачевном состоянии. Северная русская деревня, которая на протяжении веков была благодатной почвой для развития старообрядческих общин, стремительно вымирает, а оставшееся население разъезжается по городам. Однако хочется верить, что история северного старообрядчества, столь богатого своими традициями, не уйдет полностью в прошлое, и молодое поколение продолжит историю своих благочестивых предков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На примере старообрядцев села Кушереки мы могли наблюдать общую судьбу старообрядчества в России на протяжении XVII–XX веков. Вопреки постоянным гонениям со стороны светских и духовных властей, староверам удалось не только выжить и сохранить традиции своих предков, но и творчески их продолжить. Героический начальный период мученичества за старую веру сменился периодом полемическим, когда в беспрецедентных для Русской церкви условиях отсутствия церковной иерархии происходила дальнейшая конфессионализация старообрядчества, деление его на самостоятельные согласия и толки. На Русском Севере наиболее распространены были поморское, филипповское и федосеевское согласия. После недолгого периода относительного спокойствия в конце XVIII – начале XIX века наступила эпоха новых гонений за веру при императоре Николае I, решившем раз и навсегда покончить с «расколом» административными мерами. Однако, несмотря на разгром главных старообрядческих центров и многих локальных «потопленных скитов», это не смогло в целом пошатнуть позиций старообрядчества на Русском Севере, о чем свидетельствуют статистические данные, лишь в малой степени отражающие реальную картину жизни местных староверов. Авторитет старой веры здесь оставался неизменно высоким и продолжал оказывать существенное влияние на мировоззрение и быт крестьян-поморов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 127.

² Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3. Архангельск, 1896. С. 20–24.

³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 195–1825. Д. 13. Л. 2–4 об.

⁴ Там же. Л. 13.

⁵ Записка о русском расколе, составленная Мельниковым для великого князя Константина Николаевича по поручению Ланского (1857) // Извлечения из распоряжений по делам о раскольниках при императорах Николае I и Александре II, пополненные запискою Мельникова. Лейпциг, 1882. С. 81.

- ⁶ РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 92. Л. 45 об.
- ⁷ Там же. Ф. 381. Оп. 44. Д. 23716. Л. 2–4.
- ⁸ Там же. Л. 11–12 об.
- ⁹ Там же. Л. 21–22.
- ¹⁰ Там же. Л. 29–29 об.
- ¹¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 214. Д. 35. Л. 1–1 об.
- ¹² Там же. Л. 12–12 об.
- ¹³ Кушерецкий приход. Сайт «Православные приходы и монастыри Севера» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://parishes.mrezha.ru/parish_history.php?id=252 (дата обращения 04.06.2020).
- ¹⁴ Жилинский А. А. Крайний Север Европейской России. Пг., 1919. С. 132.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белобородова И. Н. Старообрядчество Архангельской губернии: состав, численность, расселение (середина XIX – начало XX вв.) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 3. Екатеринбург, 1999. С. 52–67.
2. Кожурин К. Я. Повседневная жизнь старообрядцев. 2-е изд. М., 2017. 560 с.
3. Мельник Т. Ф. Поморский род Кучиных из Кушереки // Лодия. 2006. № 1. С. 78–128.
4. Старицын А. Н. География расселения соловецких выходцев – основателей староверческих пустыней во второй половине XVII в. // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 16. М., 2018. С. 194–200.
5. Шумилов Н. А. Архангельский родословец: (генеалогия наиболее известных дворянских, купеческих, мещанских и крестьянских родов Архангельской земли): Генеалогический справочник. Архангельск, 2009. 1088 с.

Поступила в редакцию 26.08.2020; принята к публикации 29.01.2021

Original article

Kirill Ya. Kozhurin, Cand. Sc. (Philosophy),
Herzen State Pedagogical University
(St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-1082-3006; kozhurin@list.ru

NEWLY FOUND DOCUMENTS ON THE HISTORY OF THE OLD BELIEVERS IN KUSHEREKA VILLAGE OF ONEGA UYEZD

Abstract. The article uses newly found archival documents to examine the history of one of the little-known centers of Ancient Orthodoxy in the Russian North – the village of Kushereka in the Onega Uyezd (canton) of the Arkhangelsk Province. Investigating this understudied topic is very relevant because of its practical importance for the confessional history of Russia within the Old Believers' community. The article introduces new archival materials covering the situation of the Old Believers in this northern village and its surroundings. Documentary corpus used by the author of the research comprised a group of sources from the funds of the Russian State Historical Archive: the "Schism" cases of the Department of General Affairs of the Ministry of the Interior and the Office of the Minister of Agriculture. Using published and unpublished sources, as well as historiographical materials the author examines the history of the village of Kushereka from a historical prospective and makes an attempt to identify the real role of the Old Believers in the life and worldview of its inhabitants, who formally belonged to the official church. The author raises important questions about the existence of secret Old Believers' sketes in the north, about the government policy towards the Old Believers and their activities, and about the repressions of the mid-XIX century. One of the main conclusions of the article is that the authority of the Old Believers among the population of Pomorian north, despite the persecution by the official administration, was consistently high between the XVII and the XX centuries.

Key words: Old Believers, northern village, Old Believers of the Arkhangelsk north, Old Believers' population, secret monasteries, confessional policy, government repression

For citation: Kozhurin, K. Ya. Newly found documents on the history of the Old Believers in Kushereka village of Onega Uyezd. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(2):85–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.588

REFERENCES

1. Beloborodova, I. N. The Old Believers of the Arkhangelsk Province: composition, population, settlement (mid-XIX – early XX centuries). *Ural Proceedings. History. Culture. Religion*. Issue 3. Ekaterinburg, 1999. P. 52–67. (In Russ.)
2. Kozhurin, K. Ya. The daily life of the Old Believers. Moscow, 2017. 560 p. (In Russ.)
3. Mel'nik, T. F. The Kuchin family from Pomorian village of Kushereka. *Lodia*. 2006;1:78–128. (In Russ.)
4. Staritsyn, A. N. Geography of the settlement of the Solovetski natives – the founders of the Old Believers' hermitages in the second half of the XVII century. *Old Belief: History, Culture, Modernity*. Issue 16. Moscow, 2018. P. 194–200. (In Russ.)
5. Shumilov, N. A. An Arkhangelsk genealogist: (genealogy of the most famous noble, merchant, middle-class and peasant families of the Arkhangelsk region): Genealogical index. Arkhangelsk, 2009. 1088 p. (In Russ.)

Received: 26 August, 2020; accepted: 29 January, 2021